

Се Цинъянь прикрыл лоб рукой. Его опущенная голова была почти готова протаранить взглядом носки собственных тупоносых сапог, но вдруг поле зрения заполнил край мелькнувшей поблизости белой одежды, и он не смел даже поднять глаза.

В последний раз он видел говорящего Сяо Вана тогда, когда тот бросил: «Еще разок».

Этот негодяй поначалу еще ломался, всем своим ледяным видом показывая, что намерен его прикончить, а потом, когда Се Цинъянь взмолился о пощаде и попытался втянуть его в самые разные непотребства, сам же уперся — иначе с чего бы Се Цинъяню соглашаться еще на десять часов?

Сорвав первый запретный плод, Сяо Ван упивался этим до безумия, а сам при этом притворялся, будто его принудили.

Ханжа чертов.

Сяо Ван посмотрел на Се Цинъяня, который, казалось, был готов уткнуться носом в землю, перевел взгляд на стоявших в стороне Юань Чанъяня и Цзянь Иминя, и его холодный голос прозвучал с непререкаемым величием:

— Что здесь произошло?

Цзянь Иминь указал на Се Цинъяня и презрительно бросил холодным взглядом:

— Это он. Сначала он унизил моего младшего соученика — я видел это собственными глазами, — а теперь еще и попытался его ранить.

Праздные зеваки, вошедшие следом, оценили обстановку и пригляделись, о ком говорит Цзянь Иминь.

Узнав Се Цинъяня, они в тот же миг разом приняли противоположную сторону.

Ого, это же старший соученик Се. Сколько раз уже видели подобные представления! Каждый раз он клеветает на старшего соученика Юаня, у тебя и правда совести не хватает.

Наверняка снова обидел младшего соученика Юаня, иначе с чего бы старшему соученику Цзяню говорить такое?

Глядя на весь этот спектакль, Се Цинъянь не мог не восхититься собственным титулом всеобщего презрения, который позволял окружающим бесстыдно врать прямо с открытыми глазами.

Видя, что все вокруг встали на его сторону, Цзянь Иминь вмиг избавился от любых сомнений, выпрямил грудь и с абсолютно праведным видом принялся нести чушь перед лицом толпы. — Мой младший соученик всегда добр и обходителен с людьми, а ты, соученик Се, раз за разом задираешь его! Если бы мой младший соученик из почтения к тому, что вы росли вместе, постоянно не уступал тебе, неужели ты думал, что до сих пор оставался бы цел и невредим?

Говоря это, он свирепо уставился на Се Цинъяня, выглядя так, будто и вправду всё это видел собственными глазами.

Се Цинъянь был готов вручить этому мастеру актёрского мастерства настоящую награду. В тот

момент, когда между ними возник конфликт, этого человека даже не было рядом, а теперь он всё разглядел с невероятной чёткостью — интересно только, каким именно глазом.

Этот негодяй явно пытался манипулировать общественным мнением. Впрочем, прежде Се Цинянь и впрямь под управлением воли мира совершил немало поступков, из-за которых со стороны казалось, будто он вечно издевается над соперником.

Но...

Устраивать спектакль? Кто же не умеет играть?

Се Цинянь нетвердой походкой шагнул вперёд и, сделав вид, будто оступился, бросился в объятия Сяо Ванга. Припав к его крепкой груди и ощущая тепло его тела, он протянул руку и ухватил за край рукава.

— У-учитель, ученик клянётся, что не совершал того, о чем говорит старший соученик Цзянь, вы просто обязаны мне верить.

В то же самое время в голове Се Циняня родилась крайне дурная мысль.

— 989, ты уверена, что после перезагрузки ни у кого не останется воспоминаний о событиях до неё?

989 задумалась: — Судя по нашему системному руководству, да, хост, ни у кого не сохранится память о том, что было до отката.

Се Цинянь уголки губ тронула улыбка. Вытерев кровь с уголка рта и подумав о том, что он сейчас сотворит, он едва сдерживал смех.

Раз уж эта братия красавцев и красавиц не собирается оставлять его в живых, он сойдёт с ума на глазах у всех!

В конце концов, после отката никто не вспомнит, что он тут вытворял. А раз так, зачем сдерживать своё безумие?

Пока ему самому неловко не будет, никакого позора он не почувствует.

Ни о чём не подозревающий Сяо Ванг посмотрел на рухнувшего в его объятия младшего ученика, а затем суровым взглядом обвёл толпу зевак, окруживших его воспитанника. Внезапно Ци меча рассекла воздух у их боков — рассекая воздух, у самой их плоти пронеслась острая Ци меча, а свирепая давящая аура заставила столпившихся вокруг зевак невольно согнуться в три погибели.

— Мой ученик, Сяо Ван, никогда не станет просто так притеснять других. Если же подобное и случилось, значит, на то были веские причины. Даже если причин не было, тот человек непременно оскорбил его первым. Вы что же, не имея никаких доказательств и очерняя ученика моего почтенного тела, всерьёз решили, что я уже мёртв?

Се Цинъянь был сражён красотой этого мужчины наповал — кто вообще способен устоять перед тем, как этот сдержанный и строгий с виду человек вдруг становится таким серьезным? До чего же соблазнительно.

Он молча ещё крепче сжал руки, обвивающие мужчину, прижимаясь к Сяо Вану всем телом.

В этот самый момент достопочтенный Цзуньчжэнь был уверен, что его мальчик перенёс жуткую обиду — иначе с чего бы тому вести себя так зависимо, хотя прежде он никогда не льнул к нему, своему наставнику, с подобной силой.

Пламя гнева в его сердце вспыхнуло с новой силой.

Этого младшего ученика, едва его только привели в секту, он растил практически своими руками. Когда тот был крошечным восьмилетним сорванцом, то худым походил на облезлую мартышку, а теперь стараниями наставника превратился в круглолицего, упитанного и румяного паренька.

Стоило только притащить его сюда, как он поначалу немного ластился к ним, но, стоило ему чуточку подрасти, как он перестал проявлять особую привязанность к людям. Только и думал целыми днями о том, как бы превзойти какого-нибудь ученика, впрочем, поскольку это свидетельствовало об устремленности к успеху, наставник никогда не препятствовал подобным порывам.

Но стоило взглянуть на него сейчас — если бы не горькая обида, стал бы он так отчаянно цепляться?

Знай Сяо Ван, что пока он заступает за мальчишку, в голове у того роятся сплошные пошлые мыслишки, он бы немедленно прекратил всё это.

Вдалеке Юань Чанъянь согнулся под тяжестью давящей ауры, а на дне его глаз плеталась лютая ненависть. Он готов был поклясться, что Се Цинъянь только что забрал нечто принадлежащее ему, и ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы эта вещь осталась у него. Судя по происходящему, его собственная удача дала трещину, а ведь ещё никогда в жизни он не терпел подобного унижения!

В обычных обстоятельствах его собственный наставник давно бы уже примчался ему на выручку, но всё это наверняка происходило из-за того, что Се Цинъянь утащил ту вещь, пагубно повлияв на его судьбу.

Являясь всего лишь мелким учеником на стадии Возведения Основания, он, разумеется, не мог противостоять Сяо Вану, но стоило ему попытаться заговорить, как его протагонистическая аура не преминула бы прийти на помощь своему избраннику.

Сяо Ван почувствовал, как какая-то сила Небесного Пути ослабила его подавляющее присутствие, направленное на Юань Чанъяня, и только он слегка нахмурил брови, как услышал обрывистые, вымученные слова, с трудом сорвавшиеся с дрожащих губ Юань Чанъяня:

— Цзунь... чжэнь... неужели вы... собираетесь покрывать своего... ученика?

Он был сыном Небесного Пути, и сами Небеса стояли на его стороне. Какое имело значение, даже если он поднимал бучу на пустом месте? Небесный Путь непременно поможет ему разрешить эту неприятность, точно так же, как бывало прежде.

В конце концов, в этот момент здесь находился только один Се Цинъянь, а о том, что происходило ранее, прекрасно знали абсолютно все. Окружающие были убеждены, что Се Цинъянь питает к нему лютую ненависть, и стоило ему упереться рогом и заявить, что тот просто-напросто украл его вещь, как никто на свете не смог бы прийти на помощь Се Цинъяню и оправдать его.

Слушая этот полный допроса тон, Се Цинъянь прищурился и в первую очередь посмотрел на собственного наставника.

— Учитель, вы собираетесь меня покрывать?

Сяо Ван, глядя на исполненное надежды лицо своего младшего ученика, спокойно ответил:

— Нет.

Сердце Се Цинъяня рухнуло, потерпев полное крушение.

Но прежде чем он успел прижать ручки к груди и разрыдаться с жалобами, до него донёсся бесстрастный голос мужчины, излагавшего собственные соображения:

— Это дело изначально не является твоей ошибкой, так с чего же тут взяться покровительству?

Се Цинъянь совершил головокружительный кульбит чувств и мысленно провозгласил, что готов любить этого мужчину до беспамятства.

Забыв о всяких приличиях и стыде, он заглянул в его лицо, поднялся на цыпочки и на глазах у изумленной толпы тихонько позвал:

— Учитель.

Услышав этот зов, Сяо Ван опустил голову, и в то самое мгновение, когда их взгляды встретились, Се Цинъянь обхватил его руками за шею и шумно чмокнул в губы.

Этот звук отчётливо расслышал каждый из присутствующих.

И нынешнее положение дел между ними также предстало перед всеми во всей красе.

<http://bllate.org/book/22473/2365821>